

РОНАЛЬД
НОКС

Рональд Нокс — один из ярчайших представителей золотого века английского детектива, автор широко известных «Десяти заповедей детективного романа», ставших кодексом клуба мастеров английского криминального романа — Детективного клуба, основанного им вместе с Агатой Кристи, Гилбертом Честертоном, Дороти Л. Сэйерс и Энтони Беркли.

РОНАЛЬД
НОКС

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

ФАЛЬШИВЫЕ
НАМЕРЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н79

Серия «Золотой век английского детектива»

Ronald Knox
STILL DEAD
DOUBLE CROSS PURPOSES

Перевод с английского
В.Н. Соколова («Все еще мертв»),
Е.В. Шукшиной («Фальшивые намерения»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора и литературных агентств United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Нокс, Рональд.

Н79 Все еще мертв ; Фальшивые намерения : [романы] / Рональд Нокс ; [пер. с англ. В.Н. Соколова, Е.В. Шукшиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-101097-3

Сбивший ребенка, но оправданный в неумышленном убийстве Колин Ривер отправляется в морской круиз, чтобы развеяться и успокоить голос совести. Но через несколько дней его труп находят на обочине дороги в Шотландии, и Майлз Бридон — следователь страховой компании — должен установить точное время смерти. Однако за двое суток тело успело пропасть, а затем снова появиться, и теперь вопрос выплаты страховки зависит от того, разгадает ли Майлз тайну смерти Ривера.

Кажется, такой союз с самого начала обречен на неудачу. Вернон Летеби, сын пэра, яркий красавец, с экстравагантным вкусом, чье имя не сходит с первых страниц таблоидов и которому отец дает ровно столько карманных денег, сколько нужно, чтобы расплатиться за долги на скачках. И Джо Хендерсон — грубоватый и замкнутый канадец средних лет, бывший контрабандист, среди заслуг которого подозрение в ограблении поезда и незаурядная способность копать.

Эта странная парочка отправляется на поиски знаменитого сокровища принца Чарли в Северную Шотландию. По легенде, клад надежно спрятан на острове Эрран, и если верить Летеби, то зашифрованная карта, которую он помнит с детских лет, проведенных в Замке Грëз, выведет их напрямик к тайнику. Осталось всего ничего — договориться с новым владельцем острова и замка сэром Чарлзом Эдри, и можно приступать к поискам.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101097-3

© Lady Magdalen Asquith, 1934, 1937
© Перевод. В.Н. Соколов, 2018
© Перевод. Е.В. Шукшина, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

*Посвящается
доктору Роберту Хоуарду*

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

7 января (вечер). Колин покидает Дорн.

5 февраля. «Скандермания» причаливает к Мадейре.

11 февраля (суббота). От Колина приходит письмо.

12 февраля (воскресенье). Дональд Ривер при смерти.

13 февраля (понедельник, раннее утро). Макуильям сообщает, что видел труп.

15 февраля (среда, раннее утро). У дороги находят труп.

20 февраля (понедельник). Бридон приезжает в Дорн.

Глава 1

РИВЕРЫ ИЗ ДОРНА

По мере того как движется прогресс, и в нашем обществе растет уверенность, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», мы все больше тянемся друг к другу в поисках тепла. Сегодня нам нравятся маленькие и уютные дома с кухнями, а не холодные громады гулких холлов, мы словно плотнее натягиваем на себя свое жильё, поеживаясь от сквозняка. Мелкие клерки, некогда грезившие уединением, теперь селятся в хорошо развитых районах с транспортной доступностью. Загородные резиденции в самых фешенебельных местах вывешивают объявления о продаже, взывая к несуществующему покупателю, а их прежние обитатели живут в крошечных коттеджах, компенсируя свои потери обязательным гаражом и двориком из шлифованной брусчатки. Даже крупные домовладельцы, хозяева тенистых парков и классических особняков — мечты любого англичанина — бросили свои дорогостоящие поместья и переехали в лондонские квартиры с видом на зеленый сквер и более или менее respectable почтовым адресом (если не считать всяких там «95в»). Впрочем, тем приятнее сознавать, что и в наше время еще находятся почтенные семейства, которым удастся поддерживать былое великолепие своих владений: подпирать ветхие ограды, пропалывать заросшие дорожки, менять обвалившуюся черепицу, что позволяет местным гитам с гордостью говорить об «исторических поместьях». Вероятно, пройдет десяток лет, и эти послед-

ние бастионы прошлого также падут, побежденные налогами на землю и наследство. Цветущие луга окончательно придут в упадок, мощные трактора перепашут бывшие угодья, а их новые владельцы, взяв за образец советские колхозы, выведут на поля наемных работников. И только два или три «родовых гнезда» сохранят на пожертвования граждан, чтобы произвести впечатление на какого-нибудь американского туриста: в качестве, так сказать, достойного ответа на индейские резервации, где они держат своих краснокожих.

Больше всего подобных реликтов старины вы найдете в Шотландии. Может, шотландцы более чем англичане склонны к пережиткам феодальной гордости, наверняка в Эдинбурге не так рьяно гоняются за модными веяниями, как в Лондоне. Или же все дело в том, что в тех краях даже в наше время можно рассчитывать на хорошую охоту. В любом случае все сказанное относится к Риверам из Дорна — семейству, о котором пойдет наше повествование. Риверы жили на своей земле с незапамятных времен, еще до битвы при Бэннокберне, и не видели в этом повода для гордости. По местной легенде над семьей тяготело фамильное проклятие (вероятно, сильно преувеличенное местными сплетниками), по которому наследство Риверов никогда не переходило по прямой линии. Говорили также, что смерти наследника предшествовали некие предзнаменования. Действительно, большинство Риверов умерли бездетными или пережили своих наследников. И это лишь усиливало привязанность Риверов к земле: по давней традиции родовое поместье целиком и полностью переходило к главе семьи, а тот, понятно, не имел желаний делиться им со своими многочисленными кузенами, тем более что часто был с ними не в лучших отношениях. Вот и Дональд Ривер, руководивший хозяйством в трудные годы войны и послевоенных неурядиц, в пух и прах разругался со своим кузеном Генри, причем случилось это настолько давно, что никто уже не помнил о причинах ссоры. Размолвку подпитывало близкое сосед-

ство: Генри Ривер поселился в том же графстве недалеко от Дорна, и их постоянные встречи в обществе еще больше обостряли взаимную неприязнь.

Надо заметить, что поместье Дорн отнюдь не являлось «теплым местечком» для его владельца. К нему примыкали фермы, и в итоге приходилось заниматься сельским хозяйством. Часть пространства покрывали густые леса, что требовало знаний и умений лесника. К этому можно добавить и проблемы с правами на охоту, и плохо проведенные границы, и дополнительную головную боль в виде залежей угля. Кроме всего прочего, каждый хозяин считал нужным применять последние достижения научного прогресса, так что Дорн настолько хорошо обеспечивал сам себя, что мог бы выдержать долгую осаду. Молоко с ферм доставлялось в соседние города; куры несли яйца для дальних рынков; мясо и сыр производили для себя сами, в поместье работал не только плотник, но и кузнец. Повсюду торчали крыши хозяйственных сооружений: водонапорной башни, мини-электростанции, оросительной установки, большого ледника, который зимой наполнялся кусками льда, а потом все лето он истекал влагой. Распоряжаться такой недвижимостью, на самом деле, означало находиться в ее власти: она не оставляла времени ни для общества, ни для досуга. Рано или поздно вы превращались в одного из тех высокооплачиваемых служащих, которые бесконечно вращают колесо индустрии, попадая в порочный круг потребления и производства.

Дональд Ривер, пока была жива его жена, как нельзя лучше подходил для подобной деятельности и даже находил в ней удовольствие. Но люди, знавшие его, замечали, что он работает с механическим упорством честного наемного рабочего и находит утешение лишь в удовлетворении, которое приносит хорошо выполненное дело, душа его в этом не участвовала. Чтобы всерьез играть роль землевладельца, нужно верить, что твое наследие перейдет в руки сына, и он будет ценить и пестовать его не меньше, чем ты сам. Но в Дорне ни для кого не являлось се-

кретом, что молодой хозяин не намерен идти по стопам отца. Колин Ривер считался среди соседей чуть ли ни инвалидом. Слабые легкие доставляли ему много неприятностей, и кузен Генри, помимо всяких слухов про семейное проклятие, не без оснований надеялся, что когда-нибудь будет стоять у его могилы. Правда заключалась и в том, что Колин, будучи наследником, не питал интереса к своему наследству. Вся энергия отца, казалось, перешла в его дочь Мэри. Она уже вышла замуж за состоятельного бизнесмена и не могла претендовать на поместье. Что касается ее брата, тот выглядел бледным и вялым существом, о котором с уверенностью можно было сказать одно: ему не хватает жизненных сил. Школьный учитель, однажды заметивший: «Ривер, в этом мальчугане нет никаких страстей», — фактически написал его эпитафию. Колин был спокойным, но не добрым; молчаливым, но не задумчивым; сдержанным, но не внушающим доверия. Его взгляд, обращаясь в вашу сторону, не выражал даже обычного человеческого интереса, равнодушно предоставляя вам право думать о нем что угодно. Колин почти не улыбался, а если это все-таки случалось, казалось, он улыбается собственным мыслям. При этом в его внешности не было ничего уродливого или отталкивающего; к тому же, закончив частную школу, он приобрел тот светский лоск, который легко усваивают выпускники подобных заведений. Но испытывать к нему симпатию было невозможно. Приехав в Дорн, один из самых мирных уголков Шотландии, через два-три дня вы начинали замечать, что молодой наследник постоянно раздражает собственного отца. Отцовская любовь может закрыть глаза на самый дикий и тяжелый нрав, на любые погрешности в морали, но ей не под силу расти на каменистой почве полного бездушия.

Ситуация еще больше усугублялась тем, что Колин даже не пытался делать вид, что его волнует отцовское наследство. Он неплохо умел стрелять и порой ходил на охоту, но ему было наплевать, где находятся охотничьи угодья и кто в них водится. Иногда Колин удил рыбу, но не

представлял, где проходит водная граница между их поместьем и землями соседей. Что касается самого хозяйства — земельных наделов, поголовья скота, леса и так далее, — то они интересовали его не больше, чем грамматические тонкости в «Германии» Тацита, которые он изучал в Оксфорде. Все попытки воззвать к фамильной гордости или хотя бы личной выгоде оказывались тщетными. Колин парировал их какой-нибудь дешевой сентенцией, почерпнутой в университетском кружке социалистов, или демагогическими рассуждениями о том, что уже лет через десять землевладение станет полным анахронизмом. Если вы продолжали на него наседавать, он отвечал вам страдальческим взглядом кота, которого сгоняют с нагретого местечка. Вид его словно говорил: «Вы, конечно, можете сколько угодно мучить меня, но, хоть убейте, я не понимаю, зачем вам это нужно».

Дональд Ривер, человек добродушный, но сугубо практичный, в конце концов, пришел к выводу, что его сын безнадежен. Ему было очень трудно примириться с этой мыслью. Дело не только в том, что владелец Дорна боялся за судьбу наследства: он знал, что, если Колин не сможет вступить в права наследования, поместье так или иначе уцелеет, но вдова Дональда при этом лишится средств к существованию. Правила строго определяли передачу собственности, и у него не имелось ни одной лазейки, чтобы сохранить хотя бы часть в пользу своей жены. Хозяин Дорна с ужасом представлял, как она будет жить в жалкой роли приживалы при кузене Генри. Твердил, что должен обезопасить себя на случай ранней смерти Колина; и ему не пришлось обращаться за советом к своему адвокату, мистеру Гилкриту, чтобы найти верное решение. Надо застраховать жизнь Колина, и их будущее будет обеспечено. Пусть сбудется фамильное проклятие: Дональд обратит его на пользу своей семье.

Вероятно, кому-то покажется, что я слишком настойчиво подвожу читателя к появлению страховой компании «Бесподобная», но деятельность этой организации на-